

Высказанные нами предположения о локализации Евангелий 1038 г. и венской рукописи 697 Тароном могут объяснить и некоторые черты стилистического сходства их миниатюр, в частности разделки складок, в какой-то мере — трактовки лиц.

Добавим еще некоторые данные, аргументирующие возможность локализации Евангелия 1038 г. и, как мы думаем, Венской рукописи 697 X в. в Тароне. Владения семьи Таронидов, помимо Тарона, имелись в районе Халтоарич, который был связан с Карином и Чормайри — в истоках Чороха в Тайке. Торник (конец X в.) был одним из вассалов Давида Курополата, во владениях которого находились Карин (Эрзерум) и Басеан.

Сам Торник происходил из Карина. Один из грузинских манускриптов, носящих его имя, был написан в области Карина, являвшегося его родиной. Интересно также армянская надпись на кресте около селения Карарз. Она гласит: «Во имя Бога я Ованес . . . (лакуна) сын Чортванела, воздвиг сей крест во времена Василия (976—1025), Константина (1025—1028)». Н. Адонц считает несомненным, что надпись принадлежит Ованесу, сыну Чортванела, второе имя которого — Торник — должно было находиться на месте лакуны ⁴.

⁴ Adoncz N. Etudes armeno-byzantines. Lisbonne, 1965, p. 309. Селение Карарз

Academy of Athens. Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. Vol. 1. Manuscripts of New Testament Texts 11th—12th Century/By Anna Marava-Chatzinicolaou, Christina 654 figs.

В издательстве Афинской Академии наук вышел первый том капитального «Каталога иллюминированных византийских рукописей Греческой Национальной библиотеки», составленной Анной Маравы-Хатзиниколау и Христиной Туфeksi-Пасху. Он посвящен кодексам X—XII вв., содержащим тексты Нового завета, и охватывает 61 рукопись. Национальная библиотека в Афинах обладает одним из лучших в мире собранием иллюминированных греческих рукописей, и уже по этой причине каталог заслуживает пристального внимания. Кроме того, данное издание может служить хорошим примером научного каталога, не только дающего исчерпывающую информацию о каждом из кодексов, но и вводящего эти рукописи в соответствующий круг памятников, связанный с определенной эпохой и представляющий определенное направление в истории книжного искусства Византии. Отмеченные достоинства побуждают подробнее остановиться на структуре каталога и основных исследовательских приемах, использованных при его составлении.

Изданию предпослано краткое предисловие А. Орландоса, определяющее место данного каталога в задуманной серии (следующий том будет посвящен греческим иллюминированным рукописям XIII—XVII вв., содержащим тексты того же

Эти исторические данные дают предположительные указания на то, что и сама школа Евангелия 1038 г. могла сформироваться в ареале Карина, возможно, на знаменитой горе Селух, месте погребения Григория Просветителя, древнем центре армянской письменности и художественной деятельности — в одном из его монастырей, может быть, даже Аваг-Банке. Заметим, что Евангелие 1038 г. было принесено жителями в Восточную Армению из-под Эрзерума, так же как и близко родственное ему Евангелие селения Цугрут.

В заключение заметим, что изыскания в области рукописей XI в. не являлись прямой задачей авторов книги, а при отсутствии точных данных вопрос о локализации может быть спорным. Задача, поставленная Х. и Х. Бушхаузен и обозначенная в заглавии книги, была полностью выполнена в предложенном им новом, роскошном издании с его высококачественными цветными иллюстрациями Венской рукописи 697 (X в.).

Т. Измайлова

сохраняет под турецкой оболочкой старое название Арци, находившийся в нескольких десятках километров от Карина. Арци, разрушенный сельджуками, дал имя Ерзеруму: Арци-ар-Рум.

памятника). Введение, написанное составительницами каталога, знакомит читателя с историей возникновения собрания рукописей и этапами их изучения, содержит общую характеристику состава кодексов и излагает принципы их научного описания, существенной частью которого являются примечания. В них, как правило, аргументировано отнесение той или иной рукописи к соответствующей фазе истории византийского искусства и детально освещены особенности иконографии и стиля. Здесь же приведены библиографические заметки. К каталогу приложены список сокращений, индекс и список рукописей, указатели упомянутых в тексте кодексов, собственных имен и географических названий. Каталог иллюстрирован снимками записей, миниатюр, заставок и инициалов, а также некоторых переплетов. Многочисленные иллюстрации в цвете дают максимально приближенное представление об оригиналах.

Такой тип издания научного каталога иллюминированных рукописей, выпущенного в прекрасном полиграфическом исполнении, является идеальным. Воспроизведения миниатюр и элементов художественного декора весьма близки оригиналам и по размерам, что также весьма существенно. Однако при этом, к сожалению, не показано место миниатюр, за-

ставок и инициалов на странице, поскольку миниатюры воспроизведены без полей, а орнаментика — как фрагмент листа. В тех случаях, когда продукция представляет общее оформление листа (рис. 7, 11, 14, 25—30, 228—231, 314), поля на снимках также обрезаны, и поэтому судить об облике кодекса как произведения книжного искусства затруднительно. Бывают случаи, когда исследователю приходится для иллюстрации своих работ пользоваться уже существующими фотоснимками, не отвечающими этим требованиям, вследствие чего он лишен возможности что-либо изменить. При проведении же специальной фотосъемки, думается, нет препятствий, вынуждающих отказываться от соблюдения принципа, по которому лист дается полностью¹. Целостное воспроизведение листов с миниатюрами и текстом (хотя бы по одному примеру для каждого кодекса) существенно облегчит систематизацию памятников книжного искусства Византии.

Рецензируемый каталог, как уже было сказано, охватывает 61 кодекс X—XII вв. Эти рукописи представляют очень сложный по своему составу материал, позволяющий осветить различные направления в развитии книжного искусства Византии на протяжении нескольких этапов. Каталогные статьи рассматриваемого издания имеют характер весьма сжатых монографических исследований, авторы которых не оставляют без внимания ничего, что способно высветить значение того или иного кодекса в истории искусства оформления книги. При этом scrupulously учтены как аналогичные памятники, так и их характеристики и оценки, встречающиеся в литературе. Особенно тщательно зафиксированы мнения таких крупных исследователей, как А. Н. Грабар и К. Вейцман. В рецензии, разумеется, невозможно оценить все памятники, результаты изучения которых нашли отражение в афинском каталоге. Высокие научные достоинства этого труда, требовавшего от его авторов прекрасного знания материала и большой эрудиции, становятся особенно очевидными в процессе практического применения каталога, при работе с рукописями, не служившими предметом столь же длительного и разностороннего изучения.

Датировки рукописей, как правило, тщательно аргументированы путем сопоставления с датированными кодексами каждого из рассматриваемых памятников. Это дает возможность оценить надежность оснований в одних случаях и наглядно увидеть состояние изученности — в других. Коснемся некоторых рукописей, выделяющихся специфическими чертами оформления, поскольку такие рукописи в определенной мере могут иметь значение

для изучения памятников в советских книгохранилищах либо способствовать лучшему пониманию начальных этапов книжного искусства у славян. Наши наблюдения поэтому отчасти связаны прежде всего с указанными практическими задачами, что, как можно видеть, не чуждо и составителям рассматриваемого каталога.

Лицевое Четвероевангелие, описанное под № 1 (cod. 56), отнесено к середине X в. Этот кодекс константинопольского происхождения, написанный прекрасным «жемчужным» почерком, хорошо известен в литературе, особенно украшающими его миниатюрами. Изображения евангелистов, прототипы которых восходят к античным моделям, принадлежат к наиболее ярким примерам неоклассицизма в византийской живописи эпохи Македонской династии наряду с другими памятниками, рассеянными по афонским монастырям, а также европейским и американским книгохранилищам. Ж. Иригуэн полагает, что кодекс был изготовлен в скриптории Ефрема, в котором были в X в. переписаны многие произведения античных авторов². Авторы каталога, анализируя вкладную запись монаха Иоанна Синкелла, который был протоспафарием и протонотарием, отождествляют его с лицом, о котором упоминает Кедрий (с. 25—26). Если в данном случае речь идет о протонотарии Василия II (976—1025), ставшем монахом при Романе III Аргире (1028—1034), не логично ли Четвероевангелие афинской библиотеки сопоставить с константинопольской книжной продукцией последней четверти X в.? Художественное оформление византийских иллиминированных рукописей столичного происхождения X в. отнюдь не отличается единством стиля. В каталоге приведен перечень кодексов с подобными миниатюрами, и среди них лишь одна датированная рукопись — Евангелие в афонском Ватопедском монастыре (№ 949), датированное 948 г. Орнаментальный декор, с одной стороны, сходен с украшающим книги, датируемые обычно серединой X в., с другой — близок памятникам книжного искусства последней четверти X в., в числе которых и сборник гомилий Иоанна Златоуста в афонском монастыре Дионисиат (№ 70) (с записью, датированной 995 г.). Общий характер оформления афинского Четвероевангелия, на наш взгляд, ближе к декору константинопольских рукописей последних десятилетий, чем середины X в. В какой-то мере его можно определить как разностильный или, осторожнее, — переходный. Так, заставка на л. 5 заметно отличается от остальных, а также от орнаментики таблиц канонів. В хронологическом отношении этот кодекс, думается, недалеко отстоит от таких рукописей, как происходящее из афонского монастыря Кутлумуш Четвероевангелие, переписанное писцом Николаем и датированное 999 г. (Москва,

¹ Несоблюдение этого принципа ограничивает возможности практического использования и такого ценного издания, как: *Pelekanides S. M., Christou P. C., Tsioumis Ch., Kadas S. N. The Tresures of Mount Athos. Illuminated Manuscripts.* Athens, 1973—1975. Vol. I, II.

² *Irigoin J. Pour une étude des centres de copie byzantins.* — *Scriptorium*, 1958, XIII, p. 191—193.

ГИМ, Муз. 3644)³, а также Четвероевангелие с острова Сиры (Ленинград, ГПБ, греч. 67)⁴, хотя явно предшествует им.

Четвероевангелие № 2 (cod. 123), датированное составительницами каталога IX в., имеет колофон 1145 г., а также запись о принадлежности книги Пациковскому монастырю. Как предполагают авторы, рукопись, возможно, происходит из Бачковского монастыря в Болгарии (с. 27). Кодекс украшает единственная миниатюра с изображением сидящего евангелиста Луки и его символа, уже неоднократно служившая предметом суждений различных специалистов (ее относили к IX в.). Авторы каталога приводят обширный сравнительный материал, привлекая восточно-христианские и каролингские лицевые рукописи, а затем сопоставляют миниатюру со славянскими рукописями балканской группы (Мирославово евангелие, Призренское евангелие, Добрейшево евангелие), возникшими в конце XII—первых десятилетиях XIII в., их иллюстрации созданы под сильными воздействиями раннехристианских моделей. Это явление в искусстве балканских славян указанного периода изучено с достаточной обстоятельностью⁵. Поэтому едва ли следует возражать против отнесения миниатюры афинского кодекса к 1145 г., т. е. времени, когда книга находилась в Болгарии. Мы ничего не можем сказать об особенностях письма древнейшей, основной части рукописи, датированной IX в. Что касается текста на л. 88, составляющем единое целое с предыдущим, на оборотной стороне которого выполнена миниатюра, то нетрудно заметить, что это письмо совершенно не типично для греческих рукописей середины XII в. и подчинено нормам южнославянской палеографии. Если это наблюдение верно, то ничто не препятствует отнесению миниатюры к болгарским памятникам, и в таком случае она должна рассматриваться как соединительное звено между миниатюрой Зографского евангелия (Ленинград, ГПБ, Глаг. 1) в его более поздней глаголиче-

ской части⁶ и группой уже указанных кодексов Евангелия, древнейшим среди которых является Мирославово (около 1180—1190 гг.).

В Национальной библиотеке в Афинах находится еще одна иллюминированная греческая рукопись, имеющая непосредственное отношение к истории средневекового славянского искусства книги. Это — Деяния и Послания апостолов конца X—начала XI в., № 8 (cod. 149). Ее листы украшены заставками с мотивом плетенки, а также с растительным и зооморфным элементами, обычными в оформлении греческих рукописей балканского происхождения, частью выполненных, может быть, на Афоне. И заставки, и инициалы кодекса выдержаны в «инкрустационной» манере. Наиболее примечательную особенность декора составляют изображения апостолов Петра и Павла, держащих свитки со славянскими текстами. Эти кириллические тексты написаны той же рукой, что и греческие заглавия апостольских посланий, и, следовательно, о более поздней датировке изображений не может быть речи. Составительницы каталога сопоставляют фигуры апостолов с изображением в Зографском евангелии и с уже упомянутыми южнославянскими лицевыми рукописями. На наш взгляд, их следует в первую очередь соотносить с изображениями евангелистов в Маринском Евангелии (Москва, ГБЛ, Григ. 6. М., 1689), современном афинскому кодексу. Колорит и манера выполнения — те же, что и в заставках. Рисунок не передает анатомически правильное строение фигуры, однако лица и жесты достаточно выразительны. Иконографические типы восходят к каким-то ранним моделям. Тезис о южноитальянском происхождении афинской рукописи по крайней мере нуждается в обстоятельной аргументации, предположение же И. Максимовича о том, что кодекс — XI в. или несколько более позднего времени⁷, отвергать невозможно.

Для истории славянского книжного искусства его наиболее ранней поры, оставшегося еще не затронутым воздействиями роскошного «эмальерного» стиля константинопольских образцов, несомненно, важное значение приобретает публикация таких памятников, как Евангелие-апракос второй четверти X в. (cod. 60), Евангелие-апракос из монастыря Дусикон X в. (cod. 59), Четвероевангелие начала XI в. из того же монастыря (cod. 74), а также ряд более поздних рукописей того же направления. Это течение в книжном искусстве Византии X—XI вв. активно использует восточно-христианское наследие раннего средневековья, из сокровищницы которого широко черпали орнаментальные мотивы и иконографические схемы также

³ *Treu K.* Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR. В., 1966, S. 303—305.

⁴ *Дилачева В. Д.* Византийская миниатюра. М., 1977, табл. 29—32.

⁵ К указанным в каталоге работам следует присоединить: *Грбар А.* «До-история» болгарской живописи. — В кн.: Сборник в честь на В. Н. Златарски. София, 1925, с. 558—566; *Чорович-Любичкович М.* Призренско четворојевањье. — Старинар. Н. С., 1969, XIX, с. 191—202; *Максимович Т.* Студије о Мирослављевом јевањјелу. I. — Сборник Народног музеја. Београд, 1964, IV, с. 201—217; II. — Сборник за ликовне уметности. Нови сад, 1970, 6, с. 3—11; III. — Там же, 1972, 8, с. 41—50; IV. — Сборник Народног музеја. Београд, 1975, VIII, с. 383—393; V. — *Sargh.*, 1976, XXV, p. 123—129.

⁶ *Каринский Н.* Образцы глаголицы. СПб., 1908, рис. 3.

⁷ *Максимович И.* Сликарство минијатура у средњовековној Босни. — ЗРВИ, 1976, 17, с. 181, сл. 8.

грузинские и армянские иллюминаторы рукописей⁸.

Составленный А. Марава-Хатзиниколу и Хр. Туфекси-Пасху каталог дает не меньше материала и тонких наблюдений и относительно развития столичной линии художественного оформления средневековой греческой книги. Напротив, указанный материал является даже преобладающим и в силу своего богатства и обилия первоклассных образцов позволяет чрезвычайно подробно, буквально шаг за шагом, проследить становление и развитие «эмальерного» стиля, во владении которым художники константинопольских скрипториев XI—XII вв. не имели себе равных. Стремление культивировать этот стиль, с присущим ему удоблением орнаментальных украшений драгоценным перегородчатым эмалем, порой доходящим до полной иллюзии, было свойственно и грузинским мастерам XI—XII вв.⁹, и художникам киевского княжеского скриптория второй половины XI—начала XII в. На Руси после Остромирова евангелия (1056—1057), Изборника Святослава 1073 г., «русских» миниатюр Трирской Псалтири и Мстиславова евангелия этот стиль надолго исчезает и вновь появляется уже в Москве в самом конце XIV в., при иных условиях и под воздействием иных моделей.

Как ни трудно среди столь великолепных по художественному оформлению иллюминированных рукописей афинской Национальной библиотеки выделить лучшие образцы, все же это оказывается возможным. Даже в числе наиболее высоких примеров книжного искусства

⁸ См.: Шмерлинг Р. Художественное оформление грузинской рукописной книги IX—XI вв. Тбилиси, 1967—1979. Ч. I, II; Измайлова Т. А. Армянская миниатюра XI века. М., 1979.

⁹ Подробнее см. Амиранашвили Ш. Грузинская миниатюра. М., 1966.

Хускивадзе Л. З. Грузинские эмали. Тбилиси: Мецниереба, 1981. 200 с., 60 черно-белых и VIII цветных таблиц.

В ряду малых форм искусства эмали занимали в средневековом христианском мире особо значительное место: их специфические художественные качества в наибольшей мере выражали сущность господствующего мирозерцания. В последние десятилетия появилось несколько обобщающих трудов, посвященных перегородчатым эмалям. Таковы книга К. Весселя¹ о византийских эмалях (изданная на немецком и английском языках), исследование Т. И. Макаровой о древнерусских перегородчатых эмалях², великолепные публикации о «Pala d'oro» и

Константинополя не так много можно указать таких поистине изумительных кодексов, как Четвероевангелие третьей четверти XI в., № 26 (cod. 57), украшенное листовыми миниатюрами с изображениями евангелистов, таблицами канонів и заставками. Указанная рукопись, некогда переданная константинопольскому монастырю Иоанна Предтечи Пётра, явно вышла в те же годы и из того же дворцового скриптория, что и Апостол московской Университетской библиотеки (2280), датированный 1072 г.¹⁰

Рассмотрение иллюминированных рукописей, представленных в каталоге, выдвигает много различных проблем, относящихся к истории византийского книжного искусства. Авторы описаний и весьма ценных примечаний к ним легко ориентируются в почти необозримом море памятников и специальной литературы. Не загромождая страницы книги избыточными сведениями, они очень осторожно и тактично определяют круг рукописей, принадлежность к которому того или иного кодекса ими обосновывается. В итоге у читателя каталога всегда есть возможность проверить убедительность аргументации и не повторять уже однажды проделанный труд по систематизации. Этот каталог один из лучших в ряду изданий подобного типа. Без него не сможет обходиться ни один исследователь книжного искусства Византии, он безусловно принесет пользу не одному поколению византинистов. А. Марава-Хатзиниколу и Хр. Туфекси-Пасху заслуживают искренней благодарности за большой и полезный труд, существенно облегчивший знакомство со значительной частью византийских иллюминированных рукописей Афинской Национальной библиотеки.

В. Г. Луцко

¹⁰ Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки, М., 1977, вып. 2, № 493.

сокровищах собора Сан-Марко в Венеции³. Две монографии характеризуют венгерские памятники⁴. Недавно изданы замечательные находки в Болгарии, близ Преслава, до тех пор известные лишь по журнальным откликам и кратким каталожным данным⁵. Вошли

³ Il Tesoro di San Marco / Opera diretta da H. Hahnloser. I. La Pala d'oro. Firenze, 1965; II. Il tesoro e il Museo. Firenze, 1971.

⁴ Deer J. Die Heilige Krone Ungarns. Wien, 1966; Kovacs E., Lovag Z. Die ungarische Krönungsinsignien. Budapest, 1980.

⁵ Томов Тотю. Преславско златно съкровище. София, 1983; см.: Он же. Преславско съкровище. — Славяни, 1978, август, с. 16—17; La Bulgarie médiévale: Art et civilisation. Grand Palais. P., 1980, p. 108, N 156—190.

¹ Wessel K. Die byzantinische Emailkunst. Recklinghausen, 1967; Byzantine Enamels. Irish University Press; Shannon, 1969.

² Макарова Т. И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975.